

С. Васильев

О социальной структуре общества и политическом развитии страны

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vaciliev_Tetr_59-2.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

*Сергей Васильев,
член правления,
заместитель председателя
Внешэкономбанка*

О социальной структуре общества и политическом развитии страны

Как известно, в декабрьских событиях прошлого года участвовал сравнительно небольшой, узкий слой людей. В Москве было до 100 тысяч активных участников. В Петербурге гораздо меньше, может быть, 20 тысяч. Вопрос: почему это так напрягло власти?

Второй вопрос — выступление рабочего из Нижнего Тагила. И общий тезис, что есть бездельники в Москве, которые жируют, а есть народ, который производит материальные ценности. А Болотная площадь вообще не имеет права говорить от имени народа.

Это очень серьезный вопрос, и за ним стоят глубокие философские, политэкономические идеи, которые развивались и Марксом, и до Маркса и которые имеют отношение к теории производительного и непроизводительного труда. В общих чертах это выглядит так: есть рабочие, которые производят материальные ценности, а есть власть и интеллигенция, которые живут за счет перераспределения этих ценностей. То есть народ кормит власть — и интеллигенцию заодно. Однако уже в индустриальном, а тем более в постиндустриальном обществе марксистские и подобные им подходы потеряли смысл, по крайней мере при оценке роли производительного труда в создании общественного продукта. И столь же радикально изменился смысл категории «народ».

Вопрос «что такое народ» задали самые чуткие наши творческие люди довольно давно. Приведу одно стихотворение Евгения Евтушенко 1957 года.

Считают,
что живу я жизнью серой —
пишу и все,
и что тут возражать!

А рядом есть народ —
он строит,
сеет,
и я его обязан выражать.
И что-то вроде вечного налога
плачу я,
слыша едкие слова,
что я не знаю сущности народа,
что связь моя с его трудом слаба.

Я не знаток в машинах и колосьях,
но ведь и я народ,
и я прошу,
чтоб знали и рабочий и колхозник,
как я тревожусь,
мучаюсь,
дышу.
Меня не убедить,
как ни уламывай,
что он лишь тот,
кто сеет и кует.
А вот идет на пальчиках Уланова,
и это тоже для меня народ!

Сделаем некоторый исторический экскурс. Дело в том, что большую часть истории человечества 90% населения любой страны было занято исключительно в сельском хозяйстве. В понимании всех мыслителей доиндустриальной эпохи производительным трудом был труд только в сельском хозяйстве. Даже если мы вспомним относительно свежие теории физиократов (XVIII век), то Кенэ и Тюрго тоже считали, что производительный труд — это только труд в сельском хозяйстве, а все остальные живут за счет этого труда — горожане, власть, ремесленники. И все таблицы физиократов, которые были предвестниками схем теории воспроизводства Маркса, были основаны на том, что перераспределяется только сельхозпродукт. Вся политэкономия доиндустриальных обществ строилась на выявлении закономерностей распределения и перераспределения добавочного сельскохозяйственного продукта.

Но уже во времена Маркса стало понятно, что сельскохозяйственный сектор сжимается, идет индустриализация, возник рабочий класс, пролетариат. И в теории Маркса производительным трудом стали и промышленный и сельскохозяйственный труд, создающие добавленную стоимость.

Во времена буржуазных революций был популярен тезис, что народ это только те, кто производит материальный продукт, добавочную стоимость, а все остальные — нахлебники. Но и к крестьянству марксисты всегда относились очень неоднозначно, потому что, с одной стороны, они считали, что это производительный труд, но с другой — крестьяне были собственниками средств производства, что в парадигме марксизма означало их принадлежность к классу буржуазии — только сельской. А людей умственного труда (интеллигенцию) относили к непродизводительному классу вместе с буржуями. Поэтому к ним было соответствующее отношение.

В XX веке эта ситуация переломилась: произошел отрыв стоимостных показателей от материальных. Если мы посмотрим на самые развитые страны, то, вообще говоря, увидим, что материальные потребности у них ограничены. Потребление в чисто физическом смысле энергии и материалов, продуктов питания практически не растет. Эти общества находятся в известном равновесии с окружающей средой. Тем не менее мы видим довольно существенный рост валового внутреннего продукта, реальное увеличение производительности труда происходит в этих странах и в промышленности, и в сельском хозяйстве. Вопрос: откуда этот рост берется? Например, если я не ошибаюсь, в Штатах вся сельхозпродукция производится тремя процентами населения. А хватает не только на Америку.

Штаты еще и экспортируют продукты питания в большом количестве. Примерно то же происходит и с промышленностью. Промышленность в развитых странах дает вряд ли больше 20% ВВП. Вопрос: что же остальное? В середине XX века появилась теория о двух производительностях, которые не разделены физически. Первая — это труд, который преобразует материальный мир, материальные ресурсы в материальную продукцию. Второй вид деятельности — это творчество, который имеет дело с информацией, преобразует информацию и создает новую информацию. Мы видим наглядно, особенно в последние 20–30 лет, что огромную долю прироста общественного богатства дает вовсе не материальное производство, а именно творчество и создание новой информации. Даже в России производство составляет уже значительно меньше половины внутреннего продукта.

Это разделение внутреннего валового продукта между материальным и нематериальным производством условно, потому что и в материальном продукте заложено творчество. В цене новой машины, нового компьютера огромная инновационная компонента.

Но соотношение труда и творчества, материальной и нематериальной компоненты очень хорошо видно в стоимости разных компаний. Не так давно провели сравнение между «Сони» и «Майкрософтом». Хотя «Сони» в свое время считалась компанией инновационной, за последние 15 лет стоимость ее акций выросла на небольшую величину, а стоимость «Майкрософта» возросла в десятки раз именно за счет информационно-творческого потенциала.

Что такое создание информации вообще? Теория информации имеет отношение к понятию энтропии, то

есть мере неопределенности, неупорядоченности материального мира. А информация представляет собой негативную энтропию, то есть то, что упорядочивает мир. Поэтому творчество в широком смысле, а именно создание информации, является фактором упорядочивания мира, уменьшения беспорядка в обществе и в природе.

Отсюда и возникает понятие и функция креативного класса. Любой человек, который участвует в упорядочивании окружающего мира, относится к креативному классу.

Креативный класс невозможно привязать к конкретному сектору. Понятно, что сотрудник сельскохозяйственной селекционной станции относится к креативному сообществу, потому что прирост продукции в сельском хозяйстве в значительной степени определяется именно его нововведениями и разработками. То же происходит на предприятиях, где есть огромный сектор прикладных исследований. Это относится и к предпринимательской деятельности. Если предприниматель понял, в какое направление нужно вложить деньги, то он получает доходы и создается дополнительная стоимость.

Следует ли из роста креативного слоя и того факта, что он доминирует в развитых странах, неперенное торжество демократии? Я в этом не уверен. Я думаю, что креативному классу нужна не столько демократия, сколько свобода личности, свобода творчества и свобода информации.

Можно себе представить абстрактный пример. Возьмем тоталитарное общество. Может ли в тоталитарном обществе эффективно развиваться творчество? На мой взгляд, нет, потому что творческий человек не может работать без доступа к информации. Пример — наше общество 40-х годов, когда создавались ядерное оружие и ракеты.

Общество было несвободным. Может ли конструктор ракетной техники читать только литературу по квантовой физике? Возможно, но вряд ли его труд будет по-настоящему эффективным. Творчество требует полной свободы мысли и свободного доступа к информации. Это понимали даже Сталин и Берия, когда в 40-е годы дали физикам довольно большую возможность доступа к информации, по крайней мере научной. С генетикой, например, не мудрили, ее попросту уничтожили.

Творческий человек очень остро реагирует на ложь. Это просто как болевое ощущение. Чем тоньше у человека мыслительный аппарат, чем более человек творческий, тем болезненней он реагирует на несоответствие информации тому, что реально происходит. А, как мне представляется, авторитарный режим без лжи существовать не может. Чем авторитарнее режим, тем выше градус лжи. В этом плане «Дракон» Шварца представляет собой вполне универсальную модель. Я как-то пытался себе представить авторитарный режим, который допускает свободу информации, но не вспомнил такого.

Ситуация в СССР была довольно своеобразной, потому что он находился в послевоенный период в очень тяжелом военном соревновании с Америкой. Собственно, и до войны было виртуальное соревнование с Германией. Но особенно это стало ясно после 1945 года, когда появилась атомная бомба, когда стало больше ракетной техники и вообще произошел скачок в широком комплексе инновационных отраслей. В 60-е годы

была очень актуальна проблема: как создать такую среду для творческих людей, чтобы, с одной стороны, они творили, а с другой — вписывались в советское общество. Эта проблема была осмыслена нашими писателями. Стругацкие в книге «Гадкие лебеди»

Творческий человек очень остро реагирует на ложь. Чем тоньше у человека мыслительный аппарат, тем болезненней он реагирует на несоответствие информации тому, что реально происходит. А, как мне представляется, авторитарный режим без лжи существовать не может.

писали, что правительству приходится одной ногой нажимать на газ, а другой — на тормоз. То есть, с одной стороны, творческим людям надо давать какой-то воздух, а с другой — их же зажимать, чтобы сохранить стабильность режима.

И, конечно, надо понимать, что перестройку подготовило поколение научно-технической интеллигенции 60-х годов. Это поколение, в котором возникло диссидентство. Но даже не в диссидентстве дело. Это поколение обеспечивало массовые тиражи толстым журналам. В разгар перестройки разовый тираж «Нового мира» достигал трех миллионов экземпляров. Сейчас, по-моему, меньше 10 тысяч. Это не было непосредственно антисоветским движением. Но это была культура, отрицающая диктатуру партийной номенклатуры и тотальное вранье советского режима. Это то, что интеллектуально подготовило перестройку, сделало возможным распад коммунистического режима.

Моника Сосновска. Входная дверь. 2003

Ситуация, однако, поменялась в 90-е годы, когда прекращение холодной войны нанесло сильнейший удар по креативному классу. Ведь процентов 90 интеллектуального труда поглощал в 70-е годы оборонно-промышленный комплекс. И как только исчез спрос на гонку вооружений, эти люди сразу оказались не у дел. Сейчас этого класса у нас практически нет.

Как выглядит нынешняя картина в России? В большинстве стран наблюдается рост доли креативного слоя в рабочей силе. В России эта тенденция подавлена, что связано с сырьевой ориентацией экономики.

Что происходит в странах, производящих нефть и другие природные ресурсы? Страна получает возможность, даже производя внутреннюю отрицательную добавленную стоимость, жить за счет перераспределения стоимости, производимой в других странах. Россия в значительной степени живет сейчас именно по такой модели. Часть этого довольно большого трансферта аккумулируется правящим классом, а часть поступает в бюджет и является средством для решения социальных проблем. В этой ситуации очень сложно понять, кто в России производит стоимость, а кто ее потребляет.

В 90-е годы был такой аграрный вице-премьер Заверюха, который прославился замечательной фразой, произнесенной, когда он просил субсидии для АПК: «Страна должна кормить своих крестьян». Примерно это и происходило, потому что российский аграрный сектор был неконкурентоспособен. Он производил отрицательную добавленную стоимость. Уровень субсидий АПК, который тогда был согласован с ВТО, — 9 миллиардов долларов в год. Сейчас, конечно, в этом секторе произошли большие изменения. Есть ряд рентабельных хозяйств, с высокой

производительностью труда. А плохие продолжают субсидироваться.

Другая тема — оснащение армии. Министр обороны Анатолий Сердюков как-то сказал, что он не будет покупать российские танки, потому что они стоят в три раза дороже, чем европейские, что, конечно, вызвало большой скандал. Возникает вопрос: как формулирует Нижний Тагил, который производит эти танки, свою цену? Имеет ли право рабочий завода считать себя народом?

Ну и последний пример. Даже в нефтяном секторе у нас есть огромные подсектора, которые добавленную стоимость проедают. Например, нефтеперерабатывающие заводы. Если допустить, что они будут получать нефть по мировым ценам, то они все станут нерентабельными и нам придется покупать бензин за границей. Это известный факт. Эффективность большинства наших НПЗ существенно ниже, чем в Европе.

Таким образом, наш креативный класс не является экспортообразующим. Мы экспортируем только природные ресурсы, ничего конкурентоспособного наш креативный класс практически не производит или производит очень мало. Единственный сектор — это программное обеспечение, а также, в основном в Москве, это, безусловно, финансовый сектор. Но финансовый сектор — это обслуживающий сектор. Я сам финансист и могу ответственно сказать, что объем деятельности креативного класса в этом секторе не очень велик. Если говорить о банках, то банки, в принципе, очень консервативные учреждения. В отличие от фондового рынка, где нужно придумывать постоянно новые инструменты, доля творчества гораздо больше. Там возникают новые технологии. Но опять же только в Москве, пожалуй, этот сектор сколько-нибудь значим.

Что мне кажется важным с точки зрения инновационного развития России? Дело в том, что любые реформы в России, любые попытки инновационного развития проходили под давлением извне.

Китай очень хороший пример того, как страна загнивает без внешнего давления. В течение многих веков Китаю ничего не угрожало. И когда в XV веке адмирал Чжэн Хэ создал флот, который дошел до Африки и привез в Китай слонов, император сказал, что все это, конечно, мило, слоны очень хороши, но все это ерунда, которая нашего внимания не стоит. И вообще, мы великие, а кругом варвары. И флот Чжэн Хэ был поставлен на прикол. После этого в Китае перестали заниматься инновациями, а в XIX веке он пал жертвой агрессии западных стран. Надо сказать, что ментальность России в XV–XVI веках была сходной. Идея про Третий Рим, про то, что кругом все либо еретики, либо варвары; басурмане и латиняне... У китайцев, правда, было больше оснований считать себя срединным царством и единственной цивилизацией, потому что это была действительно древняя цивилизация с огромным уровнем культуры. А в России было большое бескультурье, которое увеличивалось по мере того, как она отгораживалась от внешнего мира. Нам повезло лишь в том, что страна была в непосредственном соседстве с Турцией, Польшей и Швецией. До Ивана Грозного Россия вела с этими странами весьма успешные войны. Иван III прирастил территорию страны очень серьезно, даже Смоленск присоединил. Зато история от опричнины до Северной войны — это череда сплошных поражений Российского государства. Под угрозой исчезновения России с карты Европы Петр пошел на очень крутые меры, на

первую модернизацию, которая принесла блестящие геополитические результаты — ценой неисчислимых внутренних жертв. Можно вспомнить и поражение России в Крымской войне, которое также привело к политической модернизации. Уверен, что если бы не Крымская война, то никаких реформ Александра II не было бы. И последний эпизод — это ядерное оружие и космическая программа. Они тоже не возникли бы без внешней угрозы и соперничества со Штатами. Никакого Гагарина и спутника не было бы, если бы у Америки не было атомного оружия и стремления опередить нас в космосе.

Россия же 90-х годов оказалась совершенно в другой ситуации. С одной стороны, нет военной угрозы, с другой — есть огромный поток нефтегазовой ренты. Поэтому никакого стимула к инновациям нет. Поэтому судьба нового креативного слоя, весьма ограниченного, печальна.

Если оценивать итоги выборов в Думу, то я думаю, что неоднозначные результаты «Единой России» и заметные успехи допущенных к выборам партий не могли быть обеспечены только креативным классом. В Москве свою роль, может быть, сыграл креативный класс, а в провинции это недовольство совершенно других слоев населения. Недовольство чем? Полагаю, несправедливостью. В этой связи помню два значения слова «правда». Правда как истина, то есть правдивая информация. И правда как справедливость, понимаемая как закон. У разных типов общества разный запрос на правду. Информационное общество, где проблема прав остро не стоит, требует правды как правдивой информации. А общество немодернизированное требует правды как справедливости. Так что итоги

выборов и стояние на Болотной были, на мой взгляд, в существенной степени реакцией на несправедливость в распределении богатства в обществе. Хотя не только это. Думаю, что это и реакция на высокомерие властей, произвол чиновников, коррупцию.

Что происходит, например, в регионах? Модель такая: предприниматель, политический активист либо интегрируются во власть, либо их уничтожают. Он не могут существовать вне системы власти. Период с 2000 по 2010 год был периодом формирования локальных элит, которые фактически выталкивают, лишают влияния всех конкурентов. А если нет

политической конкуренции, то власть может не обращать внимания на народ вообще. Зачем? Чиновничий беспредел, бесчинства милиции, нарушения в судах связаны исключительно с отсутствием обратной связи.

Политическую проблему я вижу в том, что эти две группы — правящая и управляемая — территориально, интеллектуально и политически разобщены. И я думаю, что, если не будут построены мосты между ними, нас ничего хорошего не ожидает. Это похоже на ситуацию в России в 1915 году, когда интеллигенция и образованный класс устраивали в Думе обструкцию царскому правительству: они совершенно не подозревали, к чему это приведет, когда проснется вся Россия. И вряд ли требования широких масс регионов будут либеральными и демократическими.

Я хотел бы затронуть еще одну тему, связанную с ростом общественного влияния креативного класса. Этот класс составляет меньшинство, но это

активное меньшинство, которое способно овладеть общественным дискурсом, потому что оно создает смыслы, у него есть трибуна в Интернете. И по мере того, как Интернет проникает в широкие массы, влияние этого меньшинства растет. Второе, что суще-

Если нет политической конкуренции, то власть может не обращать внимания на народ вообще. Чиновничий беспредел, бесчинства милиции, нарушения в судах связаны исключительно с отсутствием обратной связи. Две группы — правящая и управляемая — территориально, интеллектуально и политически разобщены

ственно: Интернет кардинально меняет характер коммуникации разных социальных групп. Мы знаем, что в доинформационную эпоху непропорциональным политическим весом обладали те группы, которые были физически сконцентрированы. Хорошо известно, что даже в самых демократических странах необычайно непропорциональную силу имеет аграрное лобби за счет того, что оно быстро организуется и имеет диспропорциональное представительство в различных органах власти. Второй пример — это рабочий класс, который сконцентрирован на крупных предприятиях. В частности, шахтеры всюду имели у нас непропорциональный политический вес по сравнению с другими слоями населения. В этом смысле малый бизнес разрознен, как разрознен креативный класс. Вместе их собирает Интернет. В ближайшие 10–20 лет это сильно поменяет традиционную политическую палитру.